

АБИССИНЕЦ 9

— * — 1890 — * —

СЕРГЕЙ НАСОНОВСКИЙ ♦ СЕРГЕЙ ЩЕРБАТЫХ

На краю Империи (С. Насоновский, С. Щербатых)

Сергей Насоновский
Абиссинец 1890. Том 9

«Автор»

«Автор»

2026

Насоновский С.

Абиссинец 1890. Том 9 / С. Насоновский — «Автор», «Автор», 2026 — (На краю Империи (С. Насоновский, С. Щербатых))

Продолжение приключений кубанского казака Андрея Громова в 1889 году. Он добрался до русской земли. Казалось бы, самое страшное осталось позади: Сагалло, французская петля, Красное море, чужие порты и долгий путь на окраину Империи. Но Уссурийский край быстро дал понять: испытания еще не закончились. Чужая память воина из будущего уже не просто подсказывает, как выжить. Она меняет Андрея, заставляет взрослеть быстрее и помогает искать свое место в мире конца XIX века. Абиссинец — приключенческий роман, основанный на реальной истории. Мы не пишем учебник истории, но стараемся бережно относиться к эпохе. Где-то события и связи могут быть изменены ради сюжета, всё-таки это АИ. Консультант по истории казаков: Павел Андреевич Чехутов.

© Насоновский С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Сергей Насоновский, Сергей Щербатых

Абиссинец 1890. Том 9

Глава 1. Молчаливые мстители

На мгновение я перестал слышать, что происходит вокруг. Пытался вспомнить все об операции с Унтербергером, когда мы работали бок о бок с этими парнями.

— Так неужто их знавали? — громко повторил казак, вернув меня к действительности.

— Да нет же. Просто погляди, места же живого на них нет, видно, что мучили. Потому и спросил про одежду с бумагами, может хоть что-нибудь о них узнать.

Семен отпустил борт.

— Может, артель своих работников рассчитала, вот и шли с деньгами. Хунхузы или варнаки перехватили, ограбили. Или те не все отдали, потому и пытали, да порешили опосля. А может, с этими тремя еще кто был, поэтому хунхузы и вынесли их на дорогу, чтобы показать, что и до других доберутся. На них такое очень похоже.

— А тряпки зачем в рот пихать?

Я положил полосу на рогожу.

— Черт его знает. Обычай, может, у них какой. Верно Семен говорит, послание, наверно хотели оставить, только вот кому?

Казак глянул на ткань, потом на меня.

— Да уж, с этими манзами никогда не разберешь. Странно, что в этот раз не обезглавили. В том году по лету нашли двух мертвяков с прииска. Тела-то нашли, а вот голов уже не было. Тоже хунхузы порешили. Мы их потом при налете на нашу подводу постреляли, а один живучий был. Так вот он и сказывал, что, мол, специально так делают. Чтобы духи убитых за ними не пришли.

За спиной кто-то заголосил, попросив помочь. Казак подхватил рогожу, а возница зашел с другого края подводы. Мы с Семеном отступили, освобождая им место.

Я проводил взглядом тело Монаха, перекрестился и отвернулся, тяжело вздохнув.

Дошел до колодца. После увиденного пить хотелось невероятно. Только поднял ведро с водой, как подошел Семен.

— Андрюх...

— Погодь, Сема. — Я сделал несколько глотков прямо из ведра и отставил его в сторону.

— После засады на Унтербергера мы не всех положили. И вот чем это для наших обернулось, — сказал я вполголоса.

— Да, Андрюха. Я помню, что они по старому зимнику ушли. Двое либо трое, — отозвался Рыжий. — Думаешь, все-таки они вернулись?

— Могли. А может просто кому-то рассказали про наши повязки.

— Значит так хотят посчитаться?

— Слишком просто, Семен. Хотели бы только посчитаться, не устраивали бы этот маскарад.

Семен потер усы, оглянулся на оставшийся позади двор. Там уже не было видно подводы за спинами станичников.

— Нужно дядьке депешу отбить и дожидаться его указаний.

Я пропустил вперед проходившую мимо женщину и повернул в сторону гостевого дома. Рыжий пошел рядом.

Семен прикрыл дверь и остался стоять, а я сел к столу. Из ранца вынул маленькую шифровальную таблицу, которую дядька дал для срочных донесений.

На бумаге выводил цифровые группы. Сообщение было коротким: «Сыч, Бурый, Монах погибли. Встреча сорвана. Результаты проверки не получены. Пакет нового назначения при мне. Прошу разрешения вскрыть пакет и дальнейших указаний».

Сверил написанное с таблицей, проверяя каждую группу.

Написал служебный адрес Аркадия Игнатьевича в Хабаровке. Тот самый, по которому утром сдал на отправку отчет об испытаниях.

В телеграфной конторе передал свое сообщение телеграфисту.

— В Хабаровку. Срочно.

Телеграфист пересчитал цифровые группы и назвал плату. Я выложил деньги, и мы с Семеном вышли на улицу.

У правления уже собирались два десятка казаков. Выводили коней, подтягивали подпруги, поправляли оружие. Петр Петрович с крыльца раздавал распоряжения:

— Пройдете тракт, съезды и ближние заимки. Расспросите, кого сегодня на дороге видели. На посты людей добавить вдвое. Всех въезжающих и выезжающих проверять, без разницы, знаком или нет.

Вокруг по-прежнему толковали про хунхузов.

Старший вернувшегося разъезда стоял возле коновязи и я подошел к нему.

— Мы завтра поутру в Лончаково собираемся. С опаской двигаться придется, видать. Далеко этих троих нашли?

— По дороге к Графской, версты четыре отсюда будет. У первого моста через ручей, сразу за ним справа и лежали. Так что это вовсе не в вашем направлении. Но вы все одно глядите в оба.

— Благодарствую.

Ориентир запомнил. Только похоже было, что тела туда привезли. Где их пытали и убили, никто не знал.

Мы отошли от коновязи, пропуская выезжавших казаков.

— До ручья еще успеем, — негромко сказал Семен. — Пока светло, хоть следы осмотрим.

— Успеть-то успеем. А след разбирать уже в потемках придется. Там разъезд уже прошел, и десяток туда сейчас уходит. Подводы к тому же шныряют одна за другой, все следы затопчут, — я задумался и продолжил, — к Ильке идти надо. Мы ведь не знаем, что у наших успели выведать. Его хоть и не было тогда с Унтербергером, но, если охота на нас идет, он тоже под ударом.

Семен проводил взглядом последних всадников.

— Добре,ждемся ответа от Аркадия Игнатьевича и выдвигаемся.

Через полчаса снова заглянули на телеграф. Завидев нас, телеграфист покачал головой.

— Нет ответа. И когда будет, неясно.

— Что стряслось?

— Передаточная станция не отвечается. По вашей депеше подтверждения не получил.

— Она хоть до Хабаровки дошла?

— Не могу знать. Сегодня связи не будет видимо. Лончаково к общей линии присоединяют, участок должны были отключить. Может, уже приступили, а может, повреждение где-то в другом месте. Покуда связи нет, не выясню.

Я посмотрел на лежавший возле аппарата лист с моими цифрами. Дядька мог уже читать донесение, а мог вообще ничего о нем не знать.

— До утра, выходит?

— Раньше вряд ли.

На улице Семен выругался.

— Дождались телеграфа, чтоб его.

В комнате гостевого дома я вытащил из ранца пакет и положил перед собой.

Рыжий пододвинул стул.

— Аркадий Игнатьевич велел Сычу передать, да и разрешения вскрывать его мы не получали.

— Да, Семен, но и времени у нас в обрез. Возможно, это поручение с нынешним делом связано.

— За вскрытие я перед дядькой сам отчитаюсь, — добавил я.

— Ну вскрывай коли так.

Я разорвал пакет и вытащил документы. Придвинул лампу, чтобы Семен тоже мог читать.

Первым было велено закончить проверку артели. Затем Сычу предписывалось в ночь с тринадцатого на четырнадцатое мая встретить возвращающегося Костю из группы Шлыкова с товарищами.

— Они ведь арестованных к Камню-Рыболову повели?

— Значит, на обратной дороге встретиться должны.

Я прочел указания о месте встречи. По дороге от Козловской к Графской, за третьим мостом через ручей, следовало свернуть на лесную колею. У раздвоенной лиственницы уходила тропа на поляну с кострищем, в трехстах шагах от тракта. Там и назначалась эта встреча. Ждать полагалось до рассвета. Если Костя задержится, днем на стоянке не оставаться, а следующей ночью вернуться на то же место.

Дальше шло общее поручение обеим группам. Выяснить, через кого владивостокский посредник рассылает запросы речным перевозчикам. Особое внимание обращать на сбор сведений об исправных судах, маршрутах, зимовках, запасах угля и дровяных стоянках.

— Это же молчановские письма, — сказал я.

— Думаешь те самые, что от японского торговца?

— Угу. Дядька говорил, что ими займется отдельно.

Я перевернул листок. Новые документы и выписки из переписки им следовало получить в Графской у Валентина Петровича Панеровского. Он же назначался связным. Имя было знакомое: на него мы отправляли вызов Шлыкову.

По легенде Сыч должен был быть приказчиком, остальные числились работниками подрядчика, закупавшего дрова с доставкой к речным стоянкам. Такое прикрытие позволяло и с перевозчиками сойтись, и расспрашивать о судах. Для закупщиков вопросы вполне обычные.

Я сложил документы обратно в конверт и убрал в ранец.

— Про артель больше ничего? — спросил Семен.

— Только проверку закончить надо. Что они там нашли, нам Бурый должен был передать.

— Костю предупредить надо, — сказал Семен, кивнув на ранец. — Он ведь туда прямоком выйдет.

— Да, Семен, перехватим на подступе к месту встречи. Но сначала доберемся до Ильки. До встречи с Костей у нас еще сутки.

Рыжий поднялся.

— Согласен, Андрюх. Давай кумекать, как из станицы выходить будем. Эпов без особого уведомления уходить запретил.

И если послание с красными тряпками было для нас, то небось и здесь уже нас кто-то пасет.

— Я тоже об этом подумал. Может, они хотят нас от чего-то отвлечь. Сам посуди: почитай, с открытым забралом идут. Будь мы их первой целью, зачем заранее предупреждать? А так увидим тела, кинемся туда, где их нашли. Тут, Семен, что-то другое. Слишком уж просто получается.

Вот что предлагаю. Сперва доберемся до Ильки. Завтра все-таки постараемся получить ответ от Аркадия Игнатьевича. И перехватим Костю с группой до прихода на условленное место.

— Согласен. Давай так: для всех мы остаемся в Козловской до утра. А посему нужно об этом растрезвонить на каждом углу. Так что пойдем, Абиссинец, прогуляемся по станице.

Во дворе гостевого дома проезжий в пыльной шинели спорил с дежурным. Требовал выпустить его на дорогу, уверял, что недалеко ему, до знакомых всего-то добраться, пять верст осталось. Казак слушал, прислонившись к столбу, и только головой мотал.

— Нам тоже домой надо, — вмешался Семен. — Да только лишнюю ночь под крышей провести лучше, чем на подводку к тем троим лечь.

Проезжий недовольно покосился на него.

— А вы куда?

— В Лончаково, — ответил я. — Поутру по тракту и поедем. До того, глядишь, разъезды дорогу проверят.

Возле лавки, где еще толклись покупатели, я взял хлеба. Семен спросил в мясной лавке, рано ли завтра откроют.

— Вам чего надобно? Берите сейчас, завтра только к полудню откроюсь.

— Ну коль так, то давай мне тот кругляш колбаски. Утром домой поедем, неохота ждать.

У правления разыскали дежурного конюха. Я доплатил за ночной постой Беркута и коня Семена.

— Пригляжу, не впервой.

В комнате я зарядил Ли-Метфорд, проверил Смит-Вессон и поправил бебут на поясе. Семен занялся Винчестером, потом револьвером. Закончив, подтянул ремень, чтобы ножны не болтались.

Я прихватил из комнаты две свечи, завернул вместе со спичками. Приказ и шифровальную таблицу убрал на дно ранца.

Возня во дворе продолжалась еще часа два. Кто-то ходил за водой, под нашим окном остановились покурить двое постояльцев. Мы дождались, пока в гостевом доме стихнет и за окнами перестанут ходить люди.

Семен остался у двери. Я осторожно отворил окно и выглянул. Под ним было пусто. Сбоку темнел сарай, дальше между хозяйственными постройками оставался узкий проход.

Ждать, пока уснет вся Козловская, можно было хоть до утра. На ближайшей улице было тихо.

— Семен, выходим.

Первым выбрался сам. Опустился на землю, придерживая винтовку, принял из окна ранец и оружие Семена. Рыжий спустился следом и притворил створку.

За сараем пришлось переждать: по соседнему двору прошел человек с фонарем. Свет скользнул по забору. Мы протиснулись между постройками, обогнули освещенное крыльцо и дальше пошли огородами.

До края последнего забора оставалось шагов пятнадцать, когда впереди негромко кашлянули.

— Тише, — тут же донеслось чуть правее.

Я ухватил Семена за плечо и присел. Он опустился рядом. За грудой бревен шевельнулся человек, в тени мелькнул ствол.

Вот тебе и обход. Эпов не только на тракте людей добавил.

Мы замерли. Через просвет за бревнами можно было выйти к лесу, туда я нас и вел. Теперь этот проход держали из секрета. Стоило сунуться, нас бы окликнули. А если после окрика броситься бежать, свои же и пристрелят.

Я наклонился к Семену:

— Назад. Вдоль забора.

Сперва отползли, потом за сараем поднялись и гуськом вернулись на два огорода назад, забирая в сторону. Последний участок пришлось ползти. К лесу выбрались с налипшей на справу землей.

Под деревьями стемнело еще сильнее. Тут руками не помашешь: товарища в трех шагах едва различаешь.

Двигались по очереди, как учили в лагере. У маленькой низины я остался возле дерева, закрывая тыл, пока Семен проверял ближайшие кусты.

Дальше пошли по склону. Здесь хоть в сторону можно было уйти, прикрывшись деревьями.

Выйдя на тропу, Рыжий опустился на колено, вбил в землю свой кинжал и припал ухом к рукояти. Я стоял рядом с винтовкой, прислушиваясь к лесу.

— Кажись, тихо, — шепнул он, поднявшись.

Мы сошли с тропы и нырнули в кусты, проверяя тыл. Выждав минут десять, договорились двигаться по очереди, короткими перебежками саженой по десять. Я шел первым, Семен прикрывал сзади. Досчитав до пятнадцати, он выдвигался следом за мной.

Пройдя так с пару верст, я услышал, как слева негромко зашуршала листва. Остановился возле дерева, выждал. Ветер тронул верхушки, качнулась ветка. Может, зверек какой или птица.

Когда Семен добрался до меня, я шепотом спросил:

— Слева слышал?

— Угу. Надо поглядеть.

На следующем переходе между стволами сдвинулась еле заметная тень. Я замер, и там тоже затихли. Мы медленно стали забирать выше по склону. Через несколько десятков шагов шорох повторился, опять сбоку.

Нет, зверь так под нас подстраиваться не стал бы. Кто-то явно шел рядом. Кто это и где нас засекли, возле гостевого дома или уже за станицей, оставалось только гадать.

Семен придвинулся ближе.

— Ты дальше ступай. Я здесь обожду.

Впереди деревья росли пореже, на фоне неба различалась надломленная береза. Я добрался до нее и присел у основания, выглядывая из-за нее на верхнюю сторону склона.

Тень появилась почти сразу. Преследователь тоже двигался перебежками. Остановился за толстым стволом, откуда мог видеть березу. Семена, оставшегося позади, он вроде бы не заметил.

Выше качнулась еще одна фигура. Пока ближайший следил за мной, второй перебрался к соседнему дереву.

Я подождал, затем дважды тихонько цокнул языком. Рыжий двинулся ко мне, а я следил за этими двумя. Ближайший не шевелился. Зато дальше по склону кто-то пригнулся, медленно, стараясь не шуметь, обходил куст. Семен остановился, и тот тоже замер.

Вот тебе и обманули. Эти черти наши остановки проверяли не хуже нас.

Рыжий подполз к березе.

— Двоих приметил.

— Трех насчитал, — шепнул я. — Еще один вперед забрал. Но, может, и больше быть.

Впереди лежал вывороченный кедр. От поднятых корней до обломанного конца было шагов восемнадцать. За ним склон уходил вниз, между деревьями оставалось достаточно места для отхода.

— Ну что, будем брать на живца? — сказал я. — Желательно хотя бы одного взять живым. Ты у корней, я дальше. Буду двигаться с прежними перебежками. Прижмут, вниз уходим.

— Эх, Андрюха, не люблю я это, живым брать. Хлопнули бы их, да и дело с концом.

— А потом гадай, кто такие и как на нас вышли.

— Да понимаю, Андрюха. Ты главное сам не подставься. Дернется на тебя с оружием, сразу бей.

Рыжий перекинул Винчестер за спину и достал Смит-Вессон. Я сделал перебежку в сторону кедра, ненадолго показавшись между стволами, затем присел возле обломанного конца и заполз под ветвистые лапы.

Ближайший пошел за мной. Осторожно выглянул из-за дерева, переждал, спустился ниже и двинулся вдоль кедра, заходя ко мне за спину. От Семена он был в нескольких шагах.

Рыжий подорвался и в два прыжка сбил с ног моего преследователя, но сам упал на спину и откатился на пару шагов вниз по склону.

Человек подскочил и кинулся сверху на Семена. Между ними мелькнул револьвер Рыжего.

Грохнул Смит-Вессон.

Преследователь упал головой к ногам Сёмы.

Почти сразу сверху ответили выстрелом. Пуля щелкнула в дерево за Семеном.

Я выкатился ниже, за ствол. Второй выстрелил из-за ели еще раз, затем перебежал вниз, стараясь приблизиться к поваленному кедру со стороны Семена.

Прижал приклад к плечу, поймал силуэт на мушку и нажал на спуск. Опоздал. Тень скрылась за деревом. В темноте стволы сливались в сплошной частокол.

Передернул затвор и сменил место. Оттуда, где я только что сидел, выбило землю.

Семен уже был за корнями кедра. Под еловыми лапами едва различалось движение второго преследователя. Я выждал. Еще несколько шагов, и он получил бы возможность ударить нам в бок.

Из-за ствола показалось плечо, следом винтовка.

Я выстрелил.

Человек сложился и повалился на бок. Я дослал следующий патрон, когда совсем рядом, у обломанного конца кедра, хрустнула ветка.

Похоже, третий успел подойти, пока второй отвлекал нас стрельбой. Он протискивался между поваленным деревом и молодыми елками, куда мы хотели проскочить с Семеном. Двигался прямо ко мне, но меня, по всей видимости, не видел. Ступал осторожно, стараясь не шуметь, револьвер держал чуть впереди себя.

Я ударил цевьем по запястью и врезался в него плечом. Револьвер выпал, гулко ударившись о дерево. Чужак отскочил на шаг, в темноте мелькнуло лезвие. Я мог бы его пристрелить прямо сейчас, но он был последним живым из этой троицы.

Откинув винтовку в сторону, я успел перехватить правое запястье чужака. Нож прошел мимо ребер. Второй рукой забрал предплечье у локтя и прижал его к поваленному кедру.

Чужак сразу ударил свободной ладонью мне в подбородок. Я отвернул голову, удар скользнул по щеке. Вооруженную руку не отпустил: вдавил его кулак в дерево, отчего пальцы разжались. Правой перехватил рукоять и вывернул нож. Отбросил клинок за ствол.

Я еще только потянулся к его локтю, собираясь завести руку за спину, а он уже согнул ее и довернулся ко мне всем корпусом.левой ладонью нажал у основания моего большого пальца, повернул свою кисть и выдернул ее из хватки. Тут же ударил освободившейся рукой в горло.

Я отбил удар предплечьем, ответил левой в челюсть. Чужак пригнул голову, пропуская кулак над плечом, и шагнул вплотную. Его рука легла мне на затылок, дернула вниз, навстречу поднятому колену.

Я успел выпрямиться и подставить локоть. Удар отдался до самого плеча. Пока чужак стоял на одной ноге, толкнул его от себя и сразу пошел следом, не давая отойти к брошенному оружию.

Тот удержался. Отступил всего на шаг, поставил ногу и встретил меня коротким ударом снизу. Я прикрыл подбородок, кулак врезался в предплечье.

Вот же юркая сволочь! Ни одного размашистого удара. Срывал захват и сразу бил, не оставляя времени прихватить его заново.

Слева показался Семен. Чужак заметил его и тут же сместился так, что я оказался между ними. Рыжий убрал револьвер и продолжил заходить сбоку. Противник повернулся вслед за ним, стараясь опять оставить нас на одной линии.

Я не дал.

Показал удар правой в лицо, вынудив его поднять левое предплечье. Вместо удара прихватил эту руку за запястье, второй рукой забрал у локтя и потянул на себя. Чужак шагнул следом, сохраняя равновесие, и развернул правое плечо для удара.

Но Рыжий уже оказался с другой стороны. Перехватил правую руку выше локтя, не дав разогнуть, и подбил сзади ногу, на которую чужак только что оперся. Я одновременно потянул захваченную левую руку вперед и вниз.

Колено противника коснулось земли. Подставить свободную ладонь он уже не мог: обе руки были у нас. Мы уложили его мордой в хвою, не давая перевернуться.

Я прижал левое плечо, согнул захваченную руку и отвел кисть за спину. Чужак попытался подтянуть колено под живот, но Рыжий удержал его за пояс и прижал к земле.

— Лежи, черт!

Я свел обе кисти над поясницей и держал, пока Семен доставал из моего ранца веревку. Чужак еще раз дернул ногами, заскреб носками землю, но вырваться из-под меня не смог. Рыжий стянул запястья и проверил узел.

Только тогда я ослабил хватку. Перевел дыхание, осторожно переставил ушибленную ногу. Колено ныло, под штаниной саднило содранную кожу.

— Держи его.

Пока Семен прижимал пленного к земле, я ощупал бока, проверил карманы, рукава и голенища. Другого револьвера или ножа не нащупал. Сдернул ткань, закрывавшую лицо. Тот отвернулся, прижимаясь щекой к земле.

Мы подняли его под руки и отвели за вывороченные корни. Там усадили спиной к кедру. Семен остался сбоку, снова вытащил Смит-Вессон и прислушался к лесу.

Я забрал свою винтовку и ранец. Достал свечу со спичками и пригнулся между корнями, прикрывая огонек от леса и ветра. Со второй спички свеча занялась.

Поднес ее к лицу пленного и замер.

Перед нами сидела девушка. Молодая, лет двадцати, со скуластым лицом и узкими темными глазами. Из-под сбившейся шапки выбилась прядь волос.

Семен повернул голову, пригляделся.

— Девка, — удивленно выдохнул он.

Я удивился не меньше. Кто бы подумал после такой драки?

Куртка и широкие штаны напоминали хунхузскую одежду. Но ткань оказалась плотной, швы ровными, пояс добротным. И кобура была хорошей работы. Снарядили ее на славу.

Я поставил свечу в углубление между корнями.

— Кто вас послал?

Девушка смотрела мне в лицо.

— Зачем за нами шли? Сколько еще ваших в лесу?

Ответа не было. Ни слова, ни кивка.

— Троих на тракте нашли. Это ваши с ними расправились?

Уголки ее губ поползли вверх. Девушка улыбнулась. Плечи мелко затряслись.

Она хихикнула, потом еще раз.

— Полоумная, ты чего? Неужто так приложили, что умом тронулась? — Рыжий ударил ее по щеке, пытаясь привести в чувство. Но та смеялась все громче, а потом широко раскрыла

рот. При свете свечи я увидел: языка у нее не было. На его месте виднелось давно зажившее увечье.

— Твою ж мать, — выругался Семен.

— Писать умеешь? — спросил я.

Девушка резко качнулась вперед.

Сперва показалось, что она хочет снова вырваться. Семен прижал ее к дереву. Но взгляд девушки уже ушел мимо меня, глаза закатились. Семен подхватил ее за плечо, не дав удариться лицом о корень.

Оскал оставался, только теперь рот перекосило сильнее.

— Андрюха, ей худо!

Я переставил свечу и помог опустить девушку на землю. С тех пор как скрутили, прошло всего несколько минут.

Ее тело вдруг вытянулось, затем забилося в судорогах. У губ выступила пена.

Падучая? Из памяти Добрецова всплыло другое название: эпилепсия. Но сейчас не названия болезней нужны.

— Путы режь, Сема.

Рыжий перерезал веревку на руках. Мы повернули девушку на бок, я подложил ей под голову ранец. Судороги не удерживал, только следил, чтобы она не билась о корни.

— Дыши, слышишь?

Грудь еще несколько раз поднялась. Девушка судорожно втянула воздух и обмякла.

Я приложил пальцы к ее шее, пытаюсь нащупать пульс. Перевернул ее на спину и принялся давить на грудь, вспоминая, как это делал Добрецов.

Семен сидел рядом, то следил за моими руками, то оборачивался к лесу.

Я снова проверил пульс. Ничего.

Продолжил. Девушка лежала неподвижно. Ни вдоха, ни движения. Через несколько минут я отнял руки и еще раз прижал пальцы к ее шее.

Не вытащил.

— Все? — негромко спросил Рыжий.

Я кивнул и потянулся поправить подвернувшуюся под бок кисть девушки.

В ладони что-то блеснуло.

— Свечу ниже, Сема. Только руками не трогай.

Между согнутыми пальцами лежала тонкая игла. Рядом на коже виднелся крошечный прокол.